

*Илье Нойштадту  
и всем моим друзьям и коллегам  
по Социологическому факультету  
Лестерского университета*

*Господину Фальксеру Крумфю,  
который делам и советам помогал мне  
при подготовке рукописи,  
я обязан особой благодарностью.*

*Н. Э.*

*Norbert  
Elias*

# *Die höfische Gesellschaft*

Untersuchungen zur Soziologie  
des Königtums und der höfischen Aristokratie  
mit einer Einleitung:  
Soziologie und Geschichtswissenschaft

LUCHTERHAND

*Норберт  
Элиас*

# *Придворное общество*

Исследования по социологии  
короля и придворной аристократии,  
с Введением:  
Социология и история

*Перевод с немецкого  
А. П. Кухтенкова, К. А. Левинсона,  
А. М. Перлова, Е. А. Прудниковой,  
А. К. Судакова*

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ  
Москва  
2002



Издание выпущено при поддержке  
Института «Открытое общество» (Фонд Сороса)  
в рамках мегапроекта «Пушкинская библиотека»

This edition is published with the support of the Open Society  
Institute within the framework of «Pushkin Library» megaproject

**Редакционный совет серии «Университетская библиотека»:**  
Н. С. Автономова, Т. А. Алексеева, М. Л. Андреев, В. И. Бахмин,  
М. А. Веденяпина, Е. Ю. Гениева, Ю. А. Кимелев, А. Я. Ливергант,  
Б. Г. Капустин, Ф. Пинтер, А. В. Полетаев, И. М. Савельева,  
Л. П. Репина, А. М. Руткевич, А. Ф. Филиппов

**«University Library» Editorial Council:**

Natalia Avtonomova, Tatiana Alekseeva, Mikhail Andreev, Vyacheslav  
Bakhmin, Maria Vedeniapina, Ekaterina Genieva, Yuri Kimelev,  
Alexander Livergant, Boris Kapustin, Frances Pinter, Andrei Poletayev,  
Irina Savelieva, Lorina Repina, Alexei Rutkevich, Alexander Filippov

## Элиас Норберт

Э 46

Придворное общество: Исследования по социологии короля  
и придворной аристократии, с Введением: Социология и исто-  
рия / Пер. с нем. А. П. Кухтенкова, К. А. Левинсона,  
А. М. Перлова, Е. А. Прудниковой, А. К. Судакова. — М.:  
Языки славянской культуры, 2002. — 368 с. — (Studia  
historica).

ISBN 5-94457-034-2

В книге видного немецкого социолога и историка середины XX века  
Норберта Элиаса на примере французского королевского двора XVII–  
XVIII вв. исследуется такой общественный институт, как «придворное  
общество» – совокупность короля, членов его семьи, приближенных и  
слуг, которые все вместе составляют единый механизм, функциони-  
рующий по строгим правилам. Автор показывает, как размеры и пла-  
нировка жилища, темы и тон разговоров, распорядок дня и размеры  
расходов – эти и многие другие стороны жизни людей двора заданы, в  
отличие, например, от буржуазных слоев, не доходами, не родом заня-  
тий и не личными пристрастиями, а именно положением относительно  
королевской особы и стремлением сохранить и улучшить это положение.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся ис-  
торико-социологическими сюжетами.

*На переплете: иллюстрации из книги А. Дюма «Людовик XIV и его век»*

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o  
M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax:  
45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

Право на продажу этой книги за пределами России кроме издательства «Языки  
славянской культуры» имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-94457-034-2



9 785944 570345 >

© А. П. Кухтенков, К. А. Левинсон,  
А. М. Перлов, Е. А. Прудникова,  
А. К. Судаков. Перевод на рус. яз., 2002

<i>Предисловие переводчиков</i>	6
I. Введение: Социология и история	10
II. Предварительные замечания к постановке проблемы	50
III. Структуры жилища как показатель общественных структур	56
IV. Об особенностях придворно-аристократической сети социальных связей	86
V. Этикет и церемониал: поведение и унастроение людей как проявления потестарных отношений в их обществе	100
VI. Скванность короля этикетом и возможностями обретения престижа	146
VII. Становление и эволюция придворного общества Франции как следствия смещения центров власти в обществе в целом	182
VIII. К социальному происхождению аристократической романтики в процессе перемещения знати к королевскому двору	264
IX. К социогенезу революции	328
<i>Приложение 1. О представлении, будто возможно государство без структурных конфликтов</i>	338
<i>Приложение 2. О позиции интенданта в большом придворно-аристократическом домохозяйстве: опыт уточнения хозяйственного этоса придворной аристократии</i>	346
<i>Именной указатель</i>	358
<i>Предметный указатель</i>	360

## *Предисловие переводчиков*

Перевод книги Н. Элиаса «Придворное общество» представлял немалые трудности для коллектива переводчиков. Трудности эти связаны были как со стилистическими, так и с терминологическими ее особенностями.

Что касается авторского стиля Элиаса, то для него, как и вообще для немецкой научной прозы его времени, характерны сверхдлинные (по русским меркам) сложные предложения с обилием распространенных определений, придаточных и т. п. Эта синтаксическая и фразеологическая сложность знакома русским читателям научной литературы, но не приветствуется ими, поэтому при переводе многие наиболее трудные для восприятия фразы были разбиты на два или даже несколько отдельных предложений.

Другая черта, свойственная автору, – частое использование в тексте книги слов и выражений, которые употребительны в устном языке, где они имеют уже совершенно стертое значение и выполняют функцию «заполнителей пауз» в речи или являются просто «паразитами»: also, gewissermaßen, ein(e) ganz bestimmte(r) и др. Поскольку в письменном языке они употребляются гораздо реже и в основном в своих «словарных» значениях, у переводчика в первый момент складывается впечатление, что они нагружены смыслом и вставлены не случайно. Дальнейшее чтение показывает, однако, что это не так: в подавляющем большинстве случаев данные слова совершенно очевидно употребляются автором не ради целенаправленного уточнения высказывания, а по привычке речи. Поэтому там, где наличие или отсутствие всех этих «значит», «как бы» и «определенный» никак не влияло на смысл и понятность фразы, они опускались при переводе ради разгрузки и без того длинных и сложных для чтения предложений.

Некоторые метафоры, встречающиеся – однократно или постоянно – в немецком тексте книги Элиаса, представляются довольно сомнительными: «вершина поля», «баланс напряжений», «структура баланса», «многополюсный механизм» – список примеров можно было бы продолжить. Во многих случаях (разумеется, только когда это не наносило ущерба смыслу) переводчики постарались подыскать менее парадоксальные выражения – например «вершина пирамиды», «баланс сил». Но все равно читатель обнаружит в тексте немало физических, геометрических и прочих метафор, не согласующихся ни с привычными научными понятиями, ни с обыденными представлениями.

И наконец, еще одна черта стиля Элиаса, которая наверняка бросится в глаза читателю, – это многочисленные повторы. Повторы мыслей в разных главах можно оправдать стремлением закрепить сказанное или связать одну тему с другой. Но в немецком тексте книги являются скорее правилом, нежели исключением, случаи, когда одно и то же слово или словосочетание используется по несколько раз в предложении или абзаце. Это противоречит правилам хорошего литературного стиля в русском языке, поэтому при переводе по возможности использовались синонимы и в некоторых местах – там, где это не наносило ущерба содержанию, – конструкции были переформулированы так, чтобы избежать повторов. Однако полностью устранить их было невозможно.

С последней стилистической особенностью языка Элиаса соприкасаются и терминологические сложности, вставшие перед переводчиками. Замена повторяющегося слова различными синонимами не представляет большой проблемы, когда значение его от этого заведомо не изменится. Подобрать же синоним для термина, т. е. слова с четко определенным и более или менее узким значением, часто бывает невозможно. А в работе Элиаса положение дополнительно усугубляется терминологической непроясненностью: с одной стороны, автор регулярно использует слова, которые в произведениях других немецких историков, социологов и философов имеют более или менее устойчивые значения и используются в научной литературе как научные понятия именно с этими значениями: так, например, слова «Macht», «Herrschaft», «Zwang», «Gruppe» большинство читателей современной немецкой социологической и исторической литературы привычно понимают том в смысле, который они имеют у Макса Вебера. Элиас, однако, никак не оговаривает, в том же ли значении он их употребляет или в ином, своем (его очень сложное и дифференцированное отношение к понятийному инструментарию Вебера допускает различные предположения на этот счет). О значении этих слов приходилось всякий раз догадываться, исходя из общих соображений и из контекста. В такой ситуации одни из переводчиков предпочитали ориентироваться на утвердившиеся в русской научной литературе переводы этих слов (соответственно «власть», «господство», «принуждение», «группа»), другие – на собственное понимание их семантики (так, применительно к приведенным примерам возможными считались варианты соответственно «сила», «власть», «необходимость», «слой»).

С другой стороны, Элиас вводит – без всякого определения и обычно без комментариев – не встречающиеся у других известных авторов выражения, которые используются затем то на протяжении всей книги, то лишь в одной-двух главах. Их терминологический статус неясен, что опять же привело к некоторому разнобою в переводе: одни из переводчиков рассматривали их в качестве устойчивых понятий и последовательно переводили одними и теми же, придуманными в силу собственного разума, эквивалентами, что приводило к появлению не всегда внятных для русского читателя неологизмов. Другие же рассматривали их как «обычные» слова с более или менее широким, интуитивно понимаемым значением, исходя из которого переводили их свободно, сообразуясь с общим смыслом фразы.

Наиболее ярким примером такой терминологической непроясненности служит слово «Figuration». В немецком языке оно практически не используется. Элиас вводит его на первой же странице книги, без всякого определения или комментария, и толь-

---

ко в п. 11 Введения объясняет, с какой целью он использует именно это необычное слово, причем здесь он называет его «понятием» (Begriff). Нечто хотя бы отдаленно похожее на определение понятия «Figuration» появляется только в конце VI главы. В книге этому понятию принадлежит важнейшая концептуальная роль, поэтому при переводе особенно остро встала проблема, с одной стороны, обеспечения ясности, с другой – исключения неаутентичных интерпретаций, которые в условиях неопределенности термина могли произойти при поиске адекватной замены ему в русском языке. По своему содержанию слово «Figuration» у Элиаса в одних контекстах близко к понятиям «конфигурация», «структура», «устройство», в других – к понятиям «социальный институт» и «социальная система», в третьих – обозначает не столько структурный аспект отношений между людьми, сколько сам факт их принадлежности к некоторой общественной структуре. Поскольку от использования слова «система» в этом значении Элиас отказывается (см. п. 11, а также конец п. 9 Введения), а слово «институт» (Institut, Einrichtung) употребляет иначе, то были основания сохранить в русском переводе эту терминологическую новацию автора. Поэтому в большинстве глав встречается русский неологизм «фигурация». С другой стороны, часть переводчиков предпочли подобрать для этого слова более понятные и знакомые русскому читателю замены, и в результате в тексте встречаются такие переводы слова «Figuration», как «конфигурация», «общественное образование», «социальная структура», «социальная группа / группировка». Насколько можно судить по контексту, они не искажают авторской мысли.

Схожие проблемы доставило слово «Formation»: как правило, переводчики предпочитали перевод-кальку «формация», но в некоторых случаях желание уклониться от неизбежных для русского читателя марксистских коннотаций вынуждало в зависимости от контекста передавать «Formation» как «социальная группа» или «социальная структура», что более близко к смыслу Элиаса.

Слово «Zusammenhang» в силу своей терминологической непроясненности переводилось по-разному: оно имеет в одних случаях явно значение «взаимосвязь, взаимосвязанность», в других – «контекст», в третьих – «процесс», в четвертых – «группа, коллектив». Найти одно-единственное русское слово, которое объединяло бы в себе все эти значения, не представлялось возможным, поэтому подбирались разные слова с тем, чтобы обеспечить понимание фразы.

Специального комментария заслуживают понятия, связанные с королевским двором и несущие поэтому в книге о «придворном обществе» особую смысловую нагрузку. Так, в соответствии с замыслом своей работы, Элиас пользуется словами «Hof», «höfisch» или другими, однокоренными им, в несколько более широком и в то же время жестком значении, чем это предполагается за словами «двор» или «придворные» в быденном русском языке. «Придворное» общество обозначает не только определенную группу людей или ее качества, но и определенную стадию в развитии социума вообще. Поэтому в тексте встречаются такие непривычные словосочетания, как, например, «допридворное общество» (имея в виду как дворянские, так и недворянские социальные группировки, существовавшие до того, как французская знать покинула свои поместья и обосновалась в массе своей при дворе) или же «люди двора» (отличающиеся от «придворных» тем, что включают в себя людей необязательно только дворянского происхождения). Немало хлопот доставил переводчикам авторский неологизм



«Verhofung» – слово, единого адекватного перевода на русский не имеющее. В зависимости от ситуации оно переводилось как «перемещение ко двору», «укоренение при дворе», «превращение дворян в придворных» и т. п.

Некоторые из сложносоставных слов и словосочетаний, постоянно встречающихся в книге Элиаса, переводились везде одинаково (или с минимальными вариациями), но были при переводе «усечены». Так, слово «berufsbürgerlich», используемое наряду с просто «bürgerlich», а местами и гораздо чаще последнего, переводчикам представлялось невозможным перевести на русский словосочетанием «профессионально-буржуазный», ибо оно двусмысленно, поэтому оно везде переведено как «буржуазный». Существительное «Berufsbürgertum» во избежание той же двусмысленности переведено не «профессиональная буржуазия», а либо просто «буржуазия», либо – там, где важно отличие этого слоя от не имеющей профессии и не зарабатывающей себе на жизнь придворной знати, – «буржуазия, занятая профессиональной деятельностью / профессиональным трудом». В тех случаях, где важно отличие между буржуа по сословной принадлежности и буржуа по образу жизни, оно передается с помощью описательных конструкций.

Сложносоставные слова «Staatsgesellschaft» и «Gesellschaftsverband» переводились по-разному в зависимости от контекста – первое чаще всего «общество», иногда «государство», второе – «общество» или «сообщество». В отличие от того, что можно было бы предположить при взгляде на эти слова вне контекста, значение их, по мнению переводчиков, не уточняется за счет двух корней, и переводы «государственное общество» или «общество-государство» и «общественный союз» или «общественное объединение» несколько не облегчили бы понимание авторской мысли.

В немецком тексте приводятся многочисленные цитаты из «Энциклопедии» Дидро, воспоминаний Лабрюйера, записок Сен-Симона и других французских источников на языке оригинала. В настоящем издании все они переведены на русский язык или даны в переводах по существующим русским изданиям, если те вполне соответствовали целям цитирования, т. е. содержали именно те слова и формулировки, на которые обращал внимание читателя Элиас. Французские тексты этих пассажей приведены в примечаниях или (когда это отдельные слова или короткие фразы) – в тексте, в скобках после перевода. При этом сохранена орфография Элиаса; сверка цитируемых отрывков с французскими оригиналами была невозможна по соображениям времени, тем более что многие ссылки неполны. По этой же причине все ссылки в книге приводятся в том виде, как они даны в оригинальном издании.

В целом и в частностях перевод представляет собой компромисс между требованием без искажений передать сложные авторские высказывания и стремлением сделать их понятными и удобоваримыми для русской читательской аудитории. Переводчики смеют надеяться, что первое они в меру своих знаний и способностей обеспечили. Насколько удалось второе – судить читателям.

## **I. Введение: Социология и история**

1. Двор правителя в государствах эпохи «старого порядка» (*ancien régime*) и то своеобычное социальное образование, которое возникало при каждом таком дворе – придворное общество, – представляют собой богатое поприще для социологических исследований. В абсолютных монархиях, где роль сословно-представительных учреждений в управлении была сведена к минимуму, двор монарха соединял в себе, как и на более ранних этапах развития государства, когда централизация еще не достигла такой степени, функцию домохозяйства всей августейшей семьи с функцией центрального органа государственной администрации, с функцией правительства. Личные и профессиональные задачи и отношения высших лиц государства еще не были так строго и недвусмысленно разделены и специализированы, как позднее в индустриальных национальных государствах. В последних органы общественного контроля – парламенты, пресса, суды, конкурирующие в публичной политике партии – во все большей степени вынуждают произвести относительно строгое разделение личных и служебных дел, и это касается даже самых могущественных персон в государстве. В династических же монархиях с их придворными элитами обычным делом было более или менее ярко проявленное единство дел личных и служебных или профессиональных, а мысль о том, что их можно или нужно разделять, возникала лишь эпизодически и в зачаточной форме. Такое разделение не диктовалось общепринятым служебным или профессиональным этосом, а возникало в лучшем случае из чувства личной обязанности более могущественному человеку либо из страха перед ним. Семейные отношения (привязанность или соперничество), личная дружба и личная вражда были в числе обычных факторов, влиявших на правительственные и прочие официальные дела. Поэтому социологические исследования придворного общества с определенной стороны проливают свет на раннюю стадию развития европейских государств.

Разумеется, дворы и придворные общества как центральные социальные фигурации<sup>1</sup> государства существовали не только в истории европейских стран. В тех ведших завоевательную политику или, наоборот, стоявших перед угрозой завоевания крупных государствах доиндустриального периода, в которых управление обществом с развитым разделением труда осуществлялось по всей территории из единого центра, вообще заметна сильная тенденция к тому, чтобы в одной-единственной социальной позиции – позиции монарха – концентрировать власть, далеко превосходящую по силе власть, которой пользовались обладатели всех прочих социальных позиций. И там, где это имело место, – в централизованных великих государствах античного мира, в Китае, в Индии, в предреволюционной Франции нового времени – повсюду двор монарха и общество придворных образовывали могущественную и пользовавшуюся большим престижем элиту.

Двор правителя и придворное общество суть, таким образом, специфические социальные фигурации, которые нуждаются в изучении не меньше, чем города или фабрики. Исследований и источников об отдельных дворах имеется несметное множество. Не хватает социологических исследований. Сколько ни занимались социологи феодальными или индустриальными обществами, придворное общество, которое – по крайней мере в истории Европы – возникает из первого и гибнет в последнем, было оставлено ими практически совершенно без внимания.

2. Развитие придворного общества, без сомнения, связано с нарастающей централизацией государственной власти, с растущей монополизацией двух главных источников власти всякого суверена: собираемых со всего общества податей – «налогов», как мы их называем, – а также военной и полицейской власти. Но до сих пор редко ставится и потому остается нерешенным важнейший вопрос динамики общественного развития – вопрос о том, как и почему на определенной фазе развития государства образуется такая социальная позиция, в руках обладателя которой концентрируется чрезвычайная по своим возможностям власть. Чтобы осознать значение этого вопроса, нужно несколько перестроить восприятие, перейдя от исторического к социологическому видению проблемы. Первое высвечивает отдельных индивидов, т. е. в данном случае того или иного короля как человека, второе же – кроме этого еще и общественные позиции, т. е. в данном случае позицию короля в ее эволюции. В обществах на этой стадии развития, в династиче-

---

<sup>1</sup> О переводе слова «Figuration» и других понятий, вводимых автором, см. Предисловие переводчиков. – *Прим. перев.*

ских государствах, можно неоднократно наблюдать, что, даже когда конкретного обладателя этой позиции единовластного монарха – а то и целую династию – умерщвляют или изгоняют с трона, от этого нимало не изменяется характер общества как династического государства, в котором правят автократические властители либо их представители. Сверженного или умерщвленного короля заменяет обыкновенно другой король, изгнанную династию – другая династия. Только с ростом индустриализации и урбанизации обществ уменьшается (с некоторыми колебаниями) та регулярность, с которой на место свергнутого суверена или отрешенной от власти династии рано или поздно встает другая династия, другой наследственный государь с такой же полнотой власти. Существовала определенная фигурация взаимосвязанных индивидов, делавшая не только возможным, но, по всей видимости, и необходимым такой порядок, при котором одна-единственная семья или ее представители на протяжении веков или тысячелетий неизменно правили многими тысячами людей, без какой-либо возможности контроля. Вопрос о том, какова была природа этой специфической социальной фигуры, есть, следовательно, один из главных вопросов, с которыми мы сталкиваемся при социологическом исследовании придворного общества. Но если мы спрашиваем, как было возможно, чтобы на определенной фазе развития организованных в государства обществ вновь и вновь воссоздавалась общественная позиция неограниченного монарха, которую мы обозначаем словами «император» или «король», то имплицитно мы тем самым спрашиваем одновременно и почему эта позиция в наши дни постепенно исчезает.

3. В представленных здесь исследованиях обстоятельно разбирается придворное общество только одной определенной эпохи. Но социологическое исследование социальных институтов этой эпохи не будет представлять никакого интереса, если не иметь в виду, что придворные общества можно найти во многих государствах на протяжении длительной фазы общественного развития и что задача социологического исследования одного-единственного придворного общества включает в себя разработку моделей, которые позволят сопоставлять различные придворные общества. Только что поставленный вопрос – какая состоящая из взаимосвязанных людей фигурация позволяла отдельным индивидам и незначительному кругу их помощников удерживать кормило власти в руках своих и своей династии, зачастую весьма продолжительное время, осуществляя более или менее неограниченную власть над подавляющим большинством подданных? – сам по себе уже указывает на то, что даже исследование одного уникального придворного общества может внести вклад в прояс-

нение всеобъемлющих социологических проблем общественной динамики. Как мы увидим в дальнейшем, власть каждого данного правителя даже в эпоху так называемого абсолютизма отнюдь не была такой неограниченной и абсолютной, как ее представляет выражение «абсолютизм». Даже король-солнце Людовик XIV, которого часто приводят как пример монарха, определявшего все и правившего абсолютно и неограниченно, оказывается при более внимательном рассмотрении человеком, который в силу своего королевского положения был включен в весьма специфическую сеть взаимозависимостей. Сферу своей власти он мог сохранить только при помощи очень тщательно выверенной стратегии, которую диктовала ему своеобразная структура придворного общества в узком и общества в целом – в более широком смысле. Без социологического анализа специфической стратегии, с помощью которой, например, Людовик XIV сохранял постоянно находившуюся под угрозой свободу маневра в позиции короля, и без разработки модели той особой конфигурации людей, перед лицом которой индивид, находившийся в этой позиции, мог и должен был играть по определенной стратегии, если не хотел проиграть в большой игре, мы не сможем ни понять, ни объяснить поведение того или иного властителя.

Тем самым немного проясняется соотношение между постановкой проблемы у социолога и у историка. При том что в силу господствующих привычек мышления социологическое исследование легко может быть ошибочно понято как исследование историческое, такое прояснение может оказаться бесполезным. Историческая постановка вопроса, как достаточно часто подчеркивают, предусматривает внимание прежде всего к уникальным событийным рядам. Если историк занимается французским двором XVII и XVIII веков, то в центре проблематики находятся деяния и черты характера определенных индивидов, и в особенности – самих королей.

4. Систематическое же изучение проблем того типа, о котором шла речь в вышеизложенных замечаниях, – проблем социальной функции короля, проблем социальной структуры двора во французском обществе семнадцатого и восемнадцатого веков – направлено не на «уникальное», на которое только и ориентируется до сих пор вся историография. Отказ историка от систематического исследования общественных позиций – например, позиции короля, – а тем самым, значит, и от исследования тех стратегий и возможностей выбора, которые диктовала каждому конкретному королю его позиция, приводит к своеобразному усечению и ограничению исторической перспективы. То, что называют историей, зачастую выглядит при этом как скопление абсолютно не

связанных между собою отдельных поступков отдельных людей. Рассмотрение человеческих взаимосвязей и зависимостей, а также долговременных, часто повторяющихся структур и процессов, к которым относятся такие понятия, как «государства», или «сословия», или «феодалы», «придворные» и «индустриальные» общества, пока еще обычно находится за пределами или, во всяком случае, на периферии сферы традиционных исторических исследований. Поэтому отдельным и уникальным данным, которые ставят в центр внимания такие исследования, недостает научно разработанной и верифицируемой системы координат. Взаимная связь отдельных феноменов остается в значительной степени делом произвольной интерпретации, а довольно часто – умозрительных построений. Поэтому-то в исторической науке, как понимают ее сегодня, и нет настоящей преемственности исследований: идеи относительно взаимосвязи событий сменяют друг друга, а в долгосрочной перспективе каждая из них представляется столь же верной и столь же недоказуемой, как и любая другая. Еще Ранке заметил: «Историю всегда переписывают заново... Каждое время и его основное направление присваивает ее себе и переносит на нее свои мысли. Соответственно раздают хвалу и хулу. Все это так и плетется далее, пока во все не перестанут узнавать сам предмет. Тогда не поможет ничто, кроме возвращения к первоначальному сообщению. Но стали бы вообще изучать это сообщение без импульса от современности? ...Возможна ли совершенно истинная история?»<sup>2</sup>

5. Слово «история» все время используют как для обозначения того, о чем пишут, так и самого процесса написания. Это создает немалую путаницу. На первый взгляд «история» может показаться ясным и беспроblemным понятием. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что за простым, казалось бы, словом скрывается множество нерешенных проблем. То, о чем пишут, – объект исследования – не является ни истинным, ни ложным; только то, что об этом пишут, – результат исследования – может оказаться истинным или ложным. Вопрос в том, что, собственно, является собой объект историографии. Что такое есть тот «предмет», о котором Ранке говорит, что за всеми похвалами и порицаниями историографов его часто уже невозможно распознать?

Сам Ранке не мог предложить на этот жгучий вопрос другого ответа, кроме призыва обратиться к первоначальному сообщению, к историческим источникам. Это требование изучения источников, тщательной ра-

---

<sup>2</sup> L. u. Ranke. Tagebuchblätter, 1831 – 1849, in: «Das politische Gespräch und andre Schriften zur Wissenschaftslehre», Halle, 1925. S. 52.

боты с документами стало его большой заслугой<sup>3</sup>. Оно дало мощный импульс всем историческим исследованиям. Без него во многих областях выход на социологический уровень проблем был бы невозможен.

Но как раз в том случае, если роль фундамента для писания истории отводится тщательной работе с документами, и встает по-настоящему вопрос о задаче и предмете исторического исследования. Образуют ли документы, первоисточники информации субстанцию истории?

Они – так кажется – суть единственно надежное в ней. Все остальное, что может предложить нам историк, это, можно сказать, интерпретации. Эти интерпретации бывают весьма различны от поколения к поколению. Они зависят от того, на что направлен интерес той или иной эпохи и кого или что в ту или иную эпоху хвалят и хулят историографы. Ранке указал на корень проблемы: историограф раздает хвалу и хулу. Он не только

---

<sup>3</sup> В этой связи может быть интересно то признание учености немецких историков, которое несколько лет назад выразил один из авторитетнейших английских ученых-историков, профессор А. У. Саутерн, в своей вступительной лекции, «The Shape and Substance of Academic History», Oxford, 1961, S. 15 ff.: «В своей вступительной лекции 1867 года Стэббс с уверенностью говорил о том, что “наступают хорошие времена” в исторических исследованиях, ибо приходит историческая школа, построенная “на обильном собранном и организованном материале, который ныне готовится к публикации”. Он предвидел недалекое время, когда история сможет перестать быть простой задачей для детей или орудием, “которое может позволить людям произносить эффектные речи перед невежественными слушателями и издавать блестящие статьи для людей, которые читают только газеты”, и стать вещью, которую “любят и возделывают ради нее самой”, включая “широкое распространение исторического образования, которое сделает жульничество бесполезным, а фальсификацию невыгодной”.

В чем же оказалось неверным это предвидение? Говоря вполне откровенно, Англия не удержалась наравне с Германией и каждый год отставала все более и более. В 1867 году Стэббс знал, но, я думаю, не принимал в достаточной степени во внимание великую работу издателей Monumenta Germaniae Historica; и кроме того, так мог он подумать, у Англии ведь есть свои Record Publications и своя собственная Rolls Series, в которой за десять лет с 1857-го по 1867-й было опубликовано более семидесяти томов. В свете этого рекорда Стэббсу, возможно, простительно было не понять в 1867 году, что ситуация в Англии была совершенно отлична от ситуации в Германии. Но к 1877 и тем более к 1884 году он не мог не заметить различия. В Англии поток публикаций источников сократился; было обнаружено много недостатков в научном аппарате источников уже опубликованных. В Германии не только работа по изданию источников продолжалась в том же объеме и на заметно более высоком уровне научного обеспечения, чем в Англии – огорчительное различие, которое было бы еще заметнее, если бы не собственные публикации Стэббса, – но работа немецких издателей каждый год находила себе дополнение во все более и более впечатляющем множестве монографий. Теперь модно иронизировать над этими памятниками тевтонского усердия, но ни один серьезный ученый не почувствует склонности к иронии; и любому, кто видел, как это происходило, это должно было показаться самым поразительным событием в истории науки. Ничего подобного этому никогда прежде не бывало».